

ИВАН НИКИТИН

Геолог Иван Федорович Никитин, наш земляк, живет и работает в Улан-Удэ. Он пишет роман «Закованные бунтари». Его герои — люди железной воли, убежденности, светлой мечты — ссыльные бойцы ленинской гвардии. На страницах романа читатель встретится с большевиком, пропагандистом «Искры» Виктором Курматовским, с пламенным революционером Егором Сазоновым, который и здесь, на царской каторге, сумел заставить тюремщиков бояться себя, с нашим земляком Фролом Савельевым, одним из руководителей восстания на военном корабле «Прут» летом 1905 года.

Главы из этого романа альманах и предлагает вниманию читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Хватит дрыхнуть, бунтари проклятые! Пора на работу!

— Эй, лодыри! Жи-и-и-во-о-о!

Окруженная кольцом штыков, полусонная людская масса молча выползла за тюремные ворота.

На припеке тявкали собаки, горланили петухи, хлопали отголоски людских выкриков.

Все как вчера, позавчера и год назад. Вялые, невыспавшиеся заключенные еле переставляют ноги, досматривая сны на плече товарища.

— Прибавь шагу-у-у! Шире ставьте ноги, твари! — привычно лают конвойные.

Григорий Чебоненко зацепился непослушными ногами за камень, упал, вскочил и пустил завитой бранью в царя, царицу, царевича, богородицу и спасителя.

К нему подскочил взбешенный фельдфебель.

— Ах ты крамольник! Хулить их величество, с-сво-лота хохлацкая! С-самого бога! Кровь спушу! — по плечам заходила нагайка. Вместо одного досталось десятку. Люди зароптали и выпихнули вон взъяренного драчуна с плеткой.

— С-стой! — бугаем взревел фельдфебель. — Солдаты! Бей их, ядрена мать! С-с-слыхали, как они бога ругают? царя-батюшку матом?.. Дай им! Вчера

конвойного избили, прикрылись уголовниками. Сегодня в царя и царицу... На меня руку поднимают, а завтра революцию опять затеют... Колоти их по мордам, всыпь им так, чтоб вмятины в ребра!

На узников обрушились приклады. Конвойные били всех поголовно; молотили как цепами по спинам.

— Солдаты! Да что же это вы делаете? — взлетел зычный голос Фрола Савельева. Его возвышающаяся над всеми огромная фигура напролом шла под удары. — Кого вы бьете? Ведь своих же братьев, солдат. Сто-о-о-ойте!.. Остановитесь! Ведь люди же вы... Иль вам жизнью не жалко? Сколько крови людской пьет тюрьма и шахта! Иль начальству этого мало?

— Кто там падсажается? — заметался фельдфебель.

— Бей его! Бунтовать, дрянь каторжная! А ну, выходи!..

Вокруг столпился приисковый люд, сокрушенно вздыхая, жалеючи охал.

— Как тесто месят! Будто не по спинам, а по мешкам...

— Гля, паря, начальннк-та их, как вампир ненасытный, так и кидается.

— Чистый волк! И пасть-то, слышь, на аршин...

— Чего собрались! — повернулся к ним начальник конвоя. — Аль спины зудят?

— Гля-кась, робя! Да он до нас добирается! Вот живодер!

— Замордованных ему мало. Готов весь свет сглотать!

На бугре, над самой головой фельдфебеля, выпорхнула молодайка в цветастом зипуне и белой косынке, повязанной низко над бровями.

— Эй вы, защитники отечества! — заверещала она пронзительным голосом. — От японцев сиганули, в штаны наклали! А против безоружных — героин-н! Ай да молодцы! А-да-а, смелы-я-я!

— Чего вопишь, стерва! Коль мужик боков не намял, так нам недолго, — огрызались конвойные.

— А вот это видали-н-н... — бабенка задрала подол широкой юбки, повернулась спиной.

Под смех и улюлюканье толпы колонна снова потекла под уклон.

За разрезами людской поток наткнулся на колоды промывальных машин.

— Стой!

Заключенные застыли, угрюмо молчали.

От толпы зрителей отделился прямой суровый человек. Он был одет в кожаную куртку, в высокие полуботные сапоги. Черные, поблескивающие полосы стояли торчмя, жесткие, как иглы у ежа. Смуглое лицо чисто выбрито, глаза, черные и живые, быстро бегали по лицам людей. Это горный инженер Суровский.

— Почему долго вас не было? — обратился он к фельдфебелю.

— Приказано доставить к трем часам, господин инженер, — вытянувшись, козырнул начальник конвоя.

— А сейчас половина четвертого, — перед сконфуженным лицом фельдфебеля щелкнули карманные часы. — Опаздываете... Разводите людей по местам, — повернулся Суровский к зрителям.

— Мы не можем работать, — вышел вперед Фрол Савельев.

— Это почему? — в удивлении инженер уперся в него колючим острым взглядом.

— Доктора нам надо... Мы больны. Как? Все сразу? — Суровский перевел взгляд на фельдфебеля, и тот заюлил, запел сладким голоском.

— Выдумывают, господин инженер. Лень задавила. Бунтуют.

Будто от шквала колыхнулась серая масса, плеснула над головами задранной одеждой, молча повернула спины к начальству. Свежие кровоподтеки, ссадины и синяки в голос кричали за своих хозяев.

— Как вы смели?! — тихо и раздельно сквозь презрительно сжатые зубы проговорил Суровский. — Закон

запрещает избиения.

Жиденькие темные усики фельдфебеля задергались, лицо вспухло гневом, губы запрыгали, извергая ругательства. Суровскому почудилось, что перед ним не человек. Какой-то подпорченный механизм затолкали в неуклюжую, толстозадую человеческую оболочку. Эта нелепая машина тряслась, маячила перед безмолвными рядами подчиненных ей людей, скрипела вбитыми в нее угрозами, шипела стертymi шестернями, готовая ломать, крушить все, что попадает под ее зубцы.

Зрители шептались. Конвойные столпились около шипящего, орущего фельдфебеля, ожидая приказаний.

— Больных на работу принять не могу, — отрезал Суровский. — Доложите начальнику тюрьмы... — И повернулся к молодому горному мастеру: — Пригласите, пожалуйста, Александра Ильича.

— Смир-р-р-но! — завопил начальник конвоя. — Ваше благородие! — начал он и вдруг поперхнулся словами: вся серая масса заключенных демонстративно села.

— Встать! — взвизгнул фельдфебель. — Кому говорю! 3-запорю!

— Всех не запорете, — отозвался спокойный голос. — Это вам не Орловский централ...

— Ет-та кто? Бунтовщик!.. Хуже будет, чем в Орле... Встать сейчас же, мать вашу!..

Люди даже не пошевелились.

Опираясь на трость, Ефтин медленно, демонстративно приближался, вызывающе выпятив грудь, увешанную крестами и медалями, сверкая парадной формой. Он картинно остановился, лицом и позой повторил, заученную статью царского имени, важно обвел ряды заключенных, густо рявкнул:

— Здорово, братва!

Вместо приветствия, люди снова задрали рубахи.

«Как? Они не оценили моей ласки? Вот и благодущничай после этого со скотом. Молчат! И это на приветствие

подполковника царской службы, неограниченного владыки Нерчинской каторги?»

Побоев Ефтин будто и не заметил.

— Почему не работаете?

— Доктора ждем.

— После, братцы, разберемся.

Теперь некогда. Промывальные машины стоят...

— Мы не можем работать...

— Тело болит...

— Не пойдем без врача...

Врача нет. Он уехал на Казаковский рудник, — хитрит Лука Кузьмич.

— Пусть виновные ответят...

— Мы люди, а не скот...

— Прекратите гвалт! — подполковник положил руку на эфес шашки. — Сами безобразничают! Я знаю: вы не все бузотеры. Вас подбивают отдельные личности. Вот они-то и виноваты в том, что стряслось. Я обращаюсь к бывшим военным: помните, солдаты царской армии, ваша присяга царю и отечеству остается в силе и здесь, на ка-торге. Не подчиняйтесь заводилам. Они вас натаскивают, как собак...

Ефтин прошелся вдоль колонны, лицо его заулыбалось.

— В том, что я человек добрейшей души, вы не раз убедились. Я с вами и здороваюсь по-простому. Здорово, братцы!

Арестанты молчали.

Глаза Ефтина перестали ласкать. И тут закричали по гравию колеса. Невдалеке остановилась бричка. Из нее легко выпрыгнул невысокий пожилой человек и порывисто зашагал по сыпучей тропинке. Длинная широкая рубаха парусом билась за спиной, кисточки зеленого витого пояска металась из стороны в сторону, из-под соломенной шляпы выбились пряди совершенно белых волос, которые казались странными при черной бороде. Взгляд его, пронзительный и тяжеловатый, первым ожег Ефтина. И тот как-то стушевался, поблек, растерялся и вдруг строго повернулся к подчиненным.

— Господин фельдфебель! Как вы могли допустить нарушение тюремного

устава? Предлагаю вам ознакомиться с ним получше. — Голос его ширился, рос, приобретал уверенность. — Чтобы у меня таких безобразий больше не повторять! Сколько раз вам внушать, что заключенные — это такие же люди, и обращаться с ними надо достойно.

Осанистый, гордый за минуту фельдфебель ошарашенно мигал жалкими глазками, уставясь ими прямо в рот начальства.

— Слушаюс-с-с, ваше превосходительство! — с дрожью в голосе лепетал он.

— Нельзя зверствовать. Закон прежде всего. Я сам прошел все: Азию, Кавказ... но таких зверств... Не потерплю... — Глаза подполковника случайно остановились на подвернувшихся двух конвойных солдатах, выкатились в страшном гневе.

— Кру-у-у-гом! Ша-а-гом арш! В карцер! На двое суток!

Те потерянно повернулись и пошагали прочь.

А Ефтин почти побежал навстречу Миронову.

— Здравствуйте, уважаемый Александр Ильич! Извините за беспокойство. Недоразумение улажено. Виновные наказаны.

Миронов, не замечая протянутой руки, боком скользнул мимо навязчивого Ефтина, подошел к Суворовскому.

— Здравствуйте, Роман Алексеевич. Что тут происходит?

Суворовский молча обвел взглядом арестантов, вздохнул:

— Все то же, Александр Ильич... Повторение прошлого...

— Нда-а-а, — протянул Миронов. — Как-то надо выправлять... — и пошел ближе к людям. — Что же будем делать, господа? Вы, конечно, будете правы, если откажетесь от работы. Это логично. Да, да, логично... Но опять же... Войдите в наше положение. Пять часов простоя... И так целых пять часов... Надо работать, господа. Ничего не поделаешь... Иначе летят сроки промывки.

И странно. От этой отрывочной речи всем как-то стало неловко. Будто до

этого они занимались детскими пустяками. Серая масса зашевелилась и стала разбредаться по местам. Смотрители забегали, за-распоряжались. Заработали колеса, зашелестели ремни, завертелись бочки, и по колодам потекла мутная вода.

И только Ефтин все еще стоял в растерянности, не зная, как ему воспринять то, что люди не понимали его ни по-хорошему, ни по-плохому. Его, их единоличного владыку! А вот этому хлюпику, сугубо штатскому интеллигенту, не умеющему толком говорить, нескольких фраз казалось достаточно, чтоб усмирить варнаков.

«Пся крев, — выругался он про себя. — Уж я вас допеку, не мытьем, так катаньем».

Задумчиво стоял и Суровский. Он был новым человеком на прииске. Понаслышке Роман Алексеевич знал Ефтина, как непорядочного, черствого, жестокого эгоиста. Но тут, на его глазах, этот выродок прошел много превращений, переменил немало масок, и все они были одинаково отвратительны. «Как может жить с таким Ванда Стефановна? Что она в нем нашла? Странно...»

Ему вспомнилась обаятельная, умная женщина. Молодая, красивая... Впервые со здешним обществом Суровскому пришлось познакомиться на именинном празднике у Миронова. Среди ограниченных, жеманных жен купцов и приисковой служебной знати эта женщина казалась особенно утонченной, интересной и элегантной. Она оживляла своим присутствием традиционный скучный обряд празднества, придавала ему приятную лиричность. «А как поет... — вздохнул Суровский. — Редкая женщина. И такой болван-муж... Необъяснимо!»

Роман Алексеевич сурово и прямо, не взглянув на Ефтина, который что-то ему говорил, направился к работающим.

* * *

Еще на пути донеслось по рядам: «Почта пришла». И каторжане прибавили

шагу.

У конторы гвалт, столпотворение. Каждому хочется радостной весточки из родимой сторонки. Слышатся выкрики, вопросы, счастливые восклицания удачливых и тяжелые вздохи тех, кому не повезло.

Вдруг все замерло, восторженно зашептало:

— Сазонов... Егор Сазонов...

Все взоры устремились на того, кто носил это имя.

Так вот он какой, этот смельчак, убивший самого министра Плеве. Имя Егора Сазонова знали не только каторжане и тюремщики той клетки, где он отбывал срок, но и все российские централы. О нем писала большевистская «Искра».

Худощавый, чуть выше среднего роста, с каким-то необыкновенно светящимся насмешливым взглядом, игриво поматывая прутиком, весело подрагивая хромающей походкой, Сазонов молодецкато потягивал, ласково улыбаясь всем смотрящим на него. От него так и веяло простотой и обаятельностью. Чем ближе он подходил, тем менее сковывала любопытных неловкость. Вот кто-то хохотнул, кто-то вздохнул облегченно, кто-то протянул вполголоса:

— Сво-о-й в доску...

Тут откуда-то вынырнула фигура начальника конвоя в аккуратно подтянутом мундире, метнулась наперерез Сазонову и, преградив ему дорогу, что-то заискивающе залопотала.

Глаза Сазонова стали острыми, как лезвия, лицо злым и окаменевшим. Он некоторое время слушал говорившего, поводя носком ботинка по земле, потом резко и громко бросил:

— Ничем не могу быть полезным... Это предательский заговор. Вы же главный исполнитель...

— Но я не по своей воле! — вскрикнул фельдфебель, и снова перешел на настойчивый и просящий полусшепот.

— Вы дрожите за свою жизнь, — вспыхнул Сазонов. — А их жизни вы жалели? — он повел рукой в сторону

заклученных. — Умно задумали. Спровоцировать скандал и отделаться от самых лучших. Не так ли?

— Даю честное слово... Я не ду- мал...

Ироническая усмешка сползла с губ в бороду Сазонова. Он непри- нужденно обошел сторонкой навязчивого типа, ласково раскланялся с арестантами и пошагал дальше в сопровождении своих сторожей.

— А чого той пес канючил? — спросил Чебоненко задумчивого Са- вельева. — Чого вин домогався? Разбери попробуй! Чи Сазонов арестант, чи начальник? Вон кака цаца юлит перед ним...

— А ты, Гриша, не понял? Этот мордатый душегуб попал в «черный список». А Сазонов и сейчас им страшен, как и на воле...

...Входная дверь вдруг с треском распахнулась, и ватага пьяных уго- ловников тпумпо ввалилась в камеру, загалдела на все голоса:

— Гей, мослы, хватит выпендри- ваться! Тып разломан, мы — все едины.

— Гля-ка! Братва-то спят... А вре- мя детское...

— А ну кто хочет в марухи пере- броситься?

— А-а-а... Носы воротите?

— Порткп испортили. Ха-ха- ха! Это вам не Горный Зерентуй... А ну, кто храбрее? Выходи один на один, заторканная в доску политика!

Политические молчали, насторо- женно притаились. «Под нарами топоры, кайлы, лопаты... В случае драки все пойдет в ход», — забеспокоился Савельев и шепотом передал лежавшему рядом матросу:— Вызова не принимать!

— Вызова не принимать!.. Вызова не принимать! — из уха в ухо понеслось по нарам.

Урки расселись вокруг стола, за- няли ближние нары, расположились как дома. Началась азартная картежная игра. Появилась бутылка со спиртом. Крики, хохот, площадная матерщина.

Но играли уголовники вполглаза. Чувствовалось, что они не забывают про

хозяев: при малейшем шорохе, вздохе картежники оборачиваются, придираются.

— Эй, кривошей! — толкают они близлежащих. — Говорят тебе, вставай. А не то — силой...

Крикуны косятся на Сидора. Тот пришепывает толстыми губами, помаргивает глазами, то хмурит, то морщит лоб. И кобылка, прозорливо расшифровывая его знаки, старается вовсю. Вдруг Сидор отбросил карты, достал из кармана часы на толстой цепочке, посмотрел время, оттолкнул табурет и двинулся к двери. Его не было долго. Уголовники притихли, будто ждали чего-то. Но вот явился Сидор, с едкой улыбочкой, пошентал что-то своей кобылке.

Вдруг бандиты выхватили ножи и с силой воткнули их в стол.

— А-а-а... Вы брезгать! Носы на сторону! Мы к вам с душой, а вы — задом? Так мы вам покажем!.. Мозгляки сиволапые!

Один из бандитов подскочил к спящему Медведеву и огрел его обухом кайлы. Второй стащил с верхних нар Самсонова, грозя ему ножом. Верткий Николай скользнул ужом, дернул нахала за ноги, и они клубком покатались под нары.

Матросы горохом посыпались на пол, вооружаясь инструментом.

— А-а-а! Да к вы эдак!? — взревел Сидор. — Ну пос-с-стоо-й!..

На крик из коридора ворвался Башта. С ним приспела остальная шатия. Башта, держа руку в кармане, горящими глазами бегал по зловещим лицам матросов.

Столкнувшись взглядом с Савельевым, он рывком выхватил револьвер, почти не целясь, выстрелил. Пуля ожгла левое ухо. Тут же, следом, просвистел брошенный Сидором нож, воткнувшись в стену позади Фрола.

Огненная вспышка и свист ножа ошеломили Савельева.

— А-а-а!.. Бандюги! Кровцы за- хотелось!

Голос Рассадина вывел Савельева

из оцепенения. Сильным пинком он швырнул с нар Сидора и ринулся к Баште.

Затрещали столы, скамейки, нары, зазвенели разбитые стекла.

Чебоненко и Самсонов насели в углу на Сидора. Широко размахнувшись скамейкой, тот брыкает ногами, извергая смрадные ругательства...

Рассадин и Медведев взяли в щипцы Башту, стараясь отнять у него револьвер. К ним прорвался Савельев. Башта резко шагнул к Фролу, но тотчас две матросские руки рванули его за плечи. В то же время сильный тупой удар в висок отбросил его к стене, зазвенело в ушах. Огромная лапища так стиснула правую руку, что пальцы выпустили оружие. Фрол нагнулся за револьвером, но острая жгучая боль пронзила плечо. И тут руки Медведева скользнули по лицу бандита, нащупали волосы, впились и рванули. Башта взвыл, разжал руку, выпуская кинжал...

Матросня молотила кобылку с остервенением, и тут кто-то бахнул по лампе. В темноте бились убойно и люто. Все были мокры от крови и пота, глухо стонали от саднящих ран.

— Не ше-ве-с-ли-и-и-сь!

Темнота замерла, уставилась на широко распахнутую дверь. Вместе со светом лампы блеснули холодные штыки.

Матросы сгрудились вокруг Савельева, уголовники полезли под нары. Башта, зажатый между Медведевым и Рассадиным, свирепо сверкал злыми огненными глазами.

Савельев вышел на середину, зажимая рукой струящуюся из раны кровь.

— Солдаты! Они напали на спящих! Мы защищались!

— П-п-п-оговори там! — взревел начальник караула.

— Кто ответит за напрасные жертвы? — продолжал Савельев. — Кто распорядился дать волю душегубам? Вы можете заставить молчать, нас никто не услышит. Но там, — Фрол указал здоровой рукой вверх, — вряд ли простят вам такое...

— Это ты говори начальству. Пусть оно разбирает правых и виноватых, — огрызнулся старшой, повернувшись к солдатам. — Раненых в больницу...

* * *

— С нар не слезают, ваше превосходительство. Прикладами пытались, не помогает...

— Ка-а-а-ак? Что-о-о?.. — Ефтин страшно выкатил глаза, бычья шея густо покраснела от ярости.

— Бастуют. Требуют убрать уголовников.

— Розог захотели, с-сукипы дети?! Зады засвербили! — подполковник грохнул кулаком по столу так, что подпрыгнул массивный чернильный прибор, скатились на пол карандаши и перья. Всех во двор!

— И уголовников?

— По-ли-ти-чских! Бунтарей? Быдло проклятое! Да скамеек больше. Усилить конвой! Как окажутся на улице, казармы запереть на замки, чтоб не разбежались да баррикад не настроили!

Побледневший конвойный удалился...

— Что ты задумал, Лукаша? — вошла в кабинет испуганная Ванда.

— Я дурь-то из них повыбью... Живучие, черти... Ничем не свернешь... Посмотрим, как запоют после розог, — не слушая жену, орал подполковник.

— Ты пьян, милый. Поспи лучше... Все пройдет.

— Бунтарей жалеть нечего. На шею сядут... Везде порют ихнего брата.

— Лукаша, подумай. Ведь они такие же люди. Страшно... Пороть... Это же дико!

— Мы условились, дорогая... В мои дела не суйся!

* * *

...Окруженные усиленной охраной арестанты молча стояли в углу тюремной ограды. Завидев Ефтина, конвойные засуетились.

Пыхтя и отдуваясь, сердито утюжа заключенных злыми медвежьими глазками, Ефтин обошел расставленные

лавки, подтащил свою раздутую тушу к серым молчаливым рядам.

— Бун-то-вать, значит? — спросил он раздельно и тихо. — Та-а-ак! Я послабление вам... Бараки на ночь не запирали, чтоб воздух чище... Тын разгородили... Натя! Живите как люди. А вы волками? Сбесились, драку учинили? — Ефтин задохнулся от ярости, долго молчал, стараясь унять злобную дрожь. — От работы отказываетесь?..

— Уберите Башту и его кобылку! — пронеслось по рядам.

— Эт-т-та кто? Выходи! Поддерживая раненую руку, настроя вышел Фрол Савельев. Ефтин смерил его ненавидящим взглядом, прикрыл веки, гася обжигающий злой огонь, подался вперед, словно зверь, готовый к прыжку.

— Ах, это ты? — начал подполковник преувеличенно ласково. — Я так и подумал. — Но тут же сорвался на резкий крик, губы запузырившись слюною, на груди забрякали кресты. — Негодяй! Тебя и каторга не исправила!

Студенистое лицо подполковника побагровело.

— Он до каторги шел против самодержавного государя, — обратился Ефтин к караулу.

— И теперь ярый враг нашего отечества.

Это он подбивает бунтовщиков. Из-за него беспорядки в тюрьме!

Грозный начальник круто повернулся к Савельеву. Из-под петых бровей на него смотрят упрямые, прищуренные, чуть-чуть иронические синие глаза.

— А, он еще смеется! — завопил Ефтин. — Ложись-ка, голубчик! Скидывай порточка... За тобой, кстати, побег из Акатуя числится. Должок неоплаченный...

Савельев хмуро оглядел охрану, повернулся к товарищам.

— Не дрейфь, братики!

Подошел к скамье и молча лег.

— Двойную порцию! — бросил Ефтин экзекутору.

Арестанты дрогнули, рванулись. Сзади предупредительно грохнул залп, колючим забором уперлись в грудь

штыки.

Здоровенный палач подошел к парящей бочке, набрал полную горсть мокрых березовых прутьев, помахал ими в воздухе, удовлетворенно ухмыльнулся. Расставив пошире ноги, он размахнулся и па потяг огрел голое тело, сдирая мясо. Покосился на лежавшего ничком Фрола, ожег еще раз с долгим потягом и начал махать с плеча чаще и чаще, крикая при каждом выдохе.

Прикусив нижнюю губу, Савельев почувствовал, как сердце подпирает под горло, а резкая ноющая боль рашпилем рвет спину...

Палач дело знает. Без передышки молотит ровно, как цепом. Ломаются прутья, он заменяет их новыми, подбирая более надежные.

Ефтин стоит рядом и ведет счет ударам. Ноздри его дрожат, глаза горят мстительным огнем. Он ждет крика, воя, мольбы о пощаде. Но ни звука, ни стопа.

— Ну, поднимай задницу, милоч! — распорядился Ефтин, полностью отсчитав удары. — Что, аль испекся? Вот тебе и силач! От прутиков сомлел. А туда же... Убрать в лазарет!

Солдаты бросились исполнять приказание.

— Сам, — Савельев медленно поднялся со скамьи, распрямил наломанную спину, одернул рубаху. Что-то когтистое резануло раненое плечо, и от живой боли Фрол пришел в ясное сознание.

— Дойду...

Кровь просочилась сквозь ткань, приклеив ее липким пластырем. Лицо Фрола посерело, перекошилось от боли, стыда и злобы. Облизнув окровавленные губы, он презрительно усмехнулся. Не простонав и не охнув, слегка покачиваясь, Фрол тихо побрел в лазарет.

— Силен, бродяга! — хохотнул палач.

— Ничего. Этот царю-батюшке сполна в рудниках отбухает.

Повернувшись к остальным, Ефтин елейно спросил:

— Ну что? Теперь пойдете на работу?

— Нет! — грозно охнуло в ответ.
— Во-о-он как, значит? Ну что ж...
— Пори всех подряд, кровопийца!

В первый раз тюрьма проявила такую неслыханную ненависть и стойкость. Ефтин не ожидал такого единения. Он обезумел.

— Молчать! Всем розог охота!
Выходи десяток!

Десять добровольцев легли на лавки.

Корчатся от боли тела, летят красные брызги... Тревожно гудят арестанты. Маячит мрачная туша, заплывшая жиром.

— Остановитесь! — вдруг приказал чей-то голос.

В горах неожиданно грохнул обвал. Под ногами дрогнула земля.

Подполковник резко обернулся на голос. Солдаты раздвинулись, пропуская сухощавого длиннолицего арестанта.

«Егор Сазонов! Распорядиться!.. При мне!.. Кто он такой? Убийца Плеве! Как жаль, что в свое время он не был повешен... Да и вообще, почему он живет на свете? Почему вечно путается у меня под ногами?..»

— Как вы смели?! — тихо и страстно спросил Сазонов.

— Ничего не поделаешь... Вынуждают... Исполняю строгости закона... Бастуют. Нарушают порядки, — подполковник изучающим взглядом меряет Сазонова.

— 3-3-значит, вам можно убивать, а им нельзя возмущаться? Почему же такая разница? — бородка Егора мелко затрепыхалась.

— Что-о-о? Это вы мне-е-е? — протянул в удивлении Ефтин. — Порки захотели? На любую скамью... — вдруг сорвался он.

— Я пережил Метуса¹ и Бородулина, — спокойно ответил Егор.

¹ Метус — начальник Нерчинском каторги, убитый сибирским боевиком в одно лето с Бородулиным.

— Молчать! Вон! Вон отсюда! — затопал ногами Ефтин. — В Горный Зерентуй! Нынче же!..

— Напрасно надсаживаетесь... Не

поможет...

Взглянув в потемневшие от гнева глаза арестанта, Ефтин осекся. Он ясно понял, что это не пустые слова. Заключенные не простят ему порки. Страх стиснул сердце, склеил язык и глотку. Он несколько секунд стоял как припаянный, потом очнулся от столбняка, схватился за ножны шашки.

«Эх, рубануть бы по этим ненавистным огненным глазам, уничтожить, исполосовать на куски!»

С трудом сдержавшись, Ефтин стремительно двинулся в контору.

А Егор зябко поежился, грустно оглядел молчаливых арестантов и, припадая на левую ногу, медленно побрел в камеру.

* * *

В субботу заключенных привели с работы раньше. Пошла предбанная суэта: гремели обитые железными полосками сундучки, громыхали пузатые баулы, скрипели нары.

— Степ, а Степ, удружи мне чистые штаны, — звенит тенорок Николая Самсонова.

— Подь ты от меня под копер, — басит в ответ Рассадин. — Леня обседлала хребтину, кто бы постирал?

— Ха-ха-ха! Роба! Наш Степан вдругорядь бунтует. Видно, супротив бани, как против самодержавия... — откликается Николай, подходя к матросне, сгрудившейся вокруг Фрола Савельева. Они о чем-то шепчутся, многозначительно переглядываясь, перемигиваясь.

— Продажная шкура, — громкогласно заявил Степан Рассадин, протискиваясь в середину заговорщиков. — Чего с ним цацкаться? Пусть убирается к своим лягашам. В сучий куток его!

И Самсонов понял: это о казаке Медведеве, которого позавчера водворили в их барак. Этот наверняка посажен. Сам признался, что был карателем.

— Чего с ним рассусоливать? —

поддержал он Степана. — Ишь бык здоровый! Дать разок по загривку!

— Надо ему предложить, чтоб ушел по-хорошему, — успокаивает Фрол. — Шуметь сейчас опасно... Ночью я всех в уме перебрал. Этот-то явно не наш. Но мы и других плохо знаем. Здесь не все наша братва... Позовите-ка сюда Медведева. Сейчас и скажем ему.

Федор Медведев, забайкальский казак, плотный, приземистый, с круглым широкоскулым лицом неловко протиснулся в проход. За его спиной, как плотно пригнанная пробка, вклинился в прогал Степан Рассадин, волосатый верзила. Товарищи звали его медведем. Уж очень броско росла на нем шерсть. Она чернела в его ушах, торчала из курносого носа, лохматилась на широкой богатырской груди, на мускулистых руках и ногах. Как есть медведь.

— Ты вот что, гуран¹, — не держал Самсонов. — Катись-ка от нас к чертовой бабушке! Убийцы народа похуже мокрых уголовников! Иди к ним. Там тебе за пролитую кровь почет окажут.

Федор напряженно вытянулся. От резких слов солдата лицо его зажглось пятнами. Будто унтер хлестал по щекам. Он неуклюже топтался, бегая глазами по нахмуренным лицам.

— Что мне шпана уголовная! Не пойду! — заговорил он отрывисто, глотая слова. — Никого я не убил... не карал. В отряд не сам пошел... Всех казаков туда гонят. Такая паша планида... Царские... Я не хотел... Я не сам...

— Чего он бормочет? — вылился Рассадин. — «Не сам, не убивал». Кто тебя знает. Ты бобы не разводи, а говори: был карателем? Был! Значит, нечего наводить тень на плетень. Сказано тебе: убирайся к уголовникам, и вся недолга. А не то...

— Верьте: не убивал. Случайность... Сорвался с виселицы... Попал на каторгу-
Медведев с надеждой посмотрел на Савельева, перевел глаза на Чебоненко, но всюду встретил колючие, злые лица. Повернулся к Рассадину: из-под

лохматых бровей стрелял в него ненавидящий взгляд. Тогда казак вдруг приосанился, повел могучими плечами и отрубил:

— Убивайте! Мне все равно! А к уголовникам не пойду!

— Ну держись, челдон! — зашипел Степан. — Говоришь, с виселицы сорвался? Ну от нас не...

— Стро-о-о-онсь! — понеслась команда.

Люди рассыпались, заметались у нар, начали торопливо хватать бельишко и выбегать, сталкиваясь в дверях. Григорий Чебоненко окатил Медведева злым взглядом: «Вот нахалюга. Нарочно пристроился поближе к Савельеву!»

Заметили чужака и другие. Это было видно по напряженным сердитым лицам, по отсутствующим ускользящим взглядам.

Медведев чувствовал, что ему несдобровать. Сообразил и то, что в мыльне помощи не будет. Но сибирское упрямство пересилило. «Пусть, — сжав зубы, думал он. — Еще посмотрим...»

Громыхая дубовыми шайками, звонко вышлепывая по каменному прохладному полу- голыми подошвами, каторжане заскакивали в туманную просторную баню. Засвистела, забурлила вода, загоготали от удовольствия люди. Кто хохочет, кто визжит, кто свистит, кто что-то орет в ухо товарищу. Здесь все равны, все свободны.

— Эх, браток, у нас дома парятся, — гудит Степан. — Думаешь, в банях? Как раз! В печице, вот где. Натопят так ажио воздух не всхлебнешь. Калит тебя, будто пухнешь весь. А шевельнуться негде. Погреться-то погреешься, а домываться на шестке приходится...

— Хга-а! — звенит Самсонов. — И -где ж такому ведьмаку в печи уместиться?.. А у нас вот баня была. Настоящая! На задке стоит, в огороде. — Тонкий голос стал мягким, мечтательным.

Вдруг крики и гул оборвались. Люди бросали шайки и бежали в дальний угол. Там трудно протиснуться

сквозь тесный круг голых тел, в середине которого, как на арене, схватились пятеро против одного. А этот один держит в руках шайку и зыркает вокруг блестящим взглядом. Слышны только ругательства, треск шаек о цементный пол, шлепки о голые тела, сопение, оплевывание. Стоявшие болельщики подначивают:

— Так его, ирода!

— Шкура продажная!

— Кровь с него бежит... Братцы, убьете же...

— Туда ему и путя...

Никто не слышал, как открылась дверь, как кричал конвойный. Растолкав голую стенку, конвойный вошел в круг.

— Эт-та что такое! Кто вам позволил драться?!

Медведев держал перед собой шайку, прикрывая разбитое лицо. Задом, задом он попятился к матросам, и те будто всосали его в 'гущу тел. Откуда-то сверху послышался голос:

— Шайку они перетягивали... Кто кого осилит...

— Врешь, стервец! До крови избиты... Ну-ка ты там, Медведев, выходи!

— Упал я, — опустив глаза в пол, заявил Медведев. — Склизко тут.

Конвойный критически оглядел багровые подтеки в разных местах тела, хмыкнул недоверчиво, но в спор не полез.

— Выходи! — заорал он грубо. — Одевайсь!

На распаренные тела, кривясь от боли, натягивали подштанники и рубахи. Было почему-то стыдно глядеть друг другу в глаза. Медведев, закусив губу, молчал.

— Молодец, браток! — вдруг услышал он над ухом голос Савельева. — Сдачу давать можешь. Оставайся с нами.

Вечером на нарах, в тесном кругу признавших его товарищей, поведал Медведев о своей судьбе.

— Вдову я взял за себя, молодую, в силе. Ворочаюсь с японской, а тут разговоры пошли, насмешки, Михея-столяра поминают. Обидно было. Побить, думаю, да что толку... — Голос

казака звучит глухо, словно в бочке. — Пришли мы с заутрени в пасху, говорю: «Христос воскрес!» А жена-то бух мне в ноги, плачет, в три ручья разливается, за руки хватает: «Прибей, — говорит, — меня. Избей, всю избей, вышиби из меня Михея».

Подумал я, ответил: «Живи, Марфушка, как живется... Христос с тобой!» Разговляться стали... Прошел месяц. Живем. Люди смеяться перестали. Видят, сердца у меня нет... Оно бы и вытерпел... пережил... — помолчав, продолжал рассказчик. — Да проглядел я казачьего офицера, честь не отдал. Он меня по морде, по морде... Тут все и выплеснулось... Рубанул я его шашкой... пополам... Теперь бессрочная...

Федор умолк, о чем-то думая, потом вдруг спросил:

— А вас бьют?

— Бывает, бьют, бывает, порют... — ответил Савельев.

— Это как?

— Розгами.

Медведев скрутил собачью ножку, зажег спичку, вздохнул:

— Это хуже, чем поцелуй мертвой тещи... Где терпежу набраться так дальше жить?

А в правом углу барака послышалась песня маньчжурских солдат на мотив и склад «Бородино».

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Подобно ракам и омарам,
В душе с отвагой, в сердце с
жаром

Мы пятились назад...

Тенор Николая Самсонова запевал, вел, тянул песню, и, казалось, вот-вот оборвется, но в него вплетались, подхватывали сильные мужские басы, баритоны:

Ну что ж, мой друг, чего же
проще.

Ведь мы надеялись на мощи,
С утра ходили до полнощи
Мы по местам святым.
И клали низкие поклоны.

И вместо пуль для обороны
Везем с собой одни иконы.
Подвел нас Серафим...

Николай Самсонов, маленький,
юркий, вдруг крикнул и тоненько по-
собачьи визганул:

Ванька с нянькой поругался,
Нянька князю донесла...

И загоготали, заржали бывшие
солдаты над глупостью князя, сумевшего
догадаться только, когда нянька донесла.

Зараза веселья охватила всех.
Барабанами загремели эмалированные
чайники, трензелями зазвенели медные
тарелки, ломы и лопаты, завизжали пилы.
Рванулась и понеслась русская пляска со
всевозможными коленцами, дробью,
плавным перебором и лихой присядкой...
Кружила, носила по кругу, пьянила и
раззадоривала русская бесшабашная
удаль.

И тут же, в углу барака, Степан
Рассадин и Григорий Чебоненко спешно
мыли песок, пронесенный в тайниках.
Уборщик Ли Да-Ши наполнил пересек¹
чистой водой, полюбовался на
мастерство промывальщиков, поцокал от
удовольствия, потом незаметно шмыгнул
к Савельеву:

— Агылафена жди подалка, —
заговорщически растянул он хитрые
глаза-щелки.

Фрол внимательно поглядел на
него, согласно кивнул:

— Добро!..

А Ли, как ни в чем не бывало, уже
мельтешит между промывальщиками,
вертится около лотка Рассадина. Степан
хмыкает от удовольствия, когда
Чебоненко подсыпает ему из таза
тяжелого песку. Лоток в его руках
вытанцовывает в такт причудливой
музыке. Весело и залихватски юлит,
ныряет, выныривает, трясясь на месте,
срывается и носится по кругу.

— Давай, давай, Степанка. Ты его,
тляси его душу... — приплясывает Да-
Ши. — Быстло, быстло... Пока
начальники сыпят...

А Савельев думает о своем, о
самом сокровенном. Для него исчезла
камера, отодвинулась музыка, пляска,
золото...

* * *

...Сильные косматые лошаденки
уносят его в безбрежную голую степь.
Ни деревьев, ни кустов, ни мало-
мальских горок. Раздетая, однообразная,
холодная... Куда ни глянь, всюду только
снег да грязно-белое небо.

Но путникам не холодно в лох-
матых собачьих дохах. Глаза у всех
горящие, словно в бреду. Свобода! Мало
просижено в застенках, да много
испытано. Кандалы, розги, голод... Все
получено полной мерой.

Метель вопит на все голоса. Виз-
жит надсадно и грубо, как вошедшее в
раж тюремное начальство. А людям в
розвальнях она кажется набатом
революции...

Радость пришла неожиданно-нега-
данно. Закрутила, завертела и кинула в
набитые сеном розвальни. Еще вчера ни
мечты, ни просвета. И вдруг, как снег на
головы палачам, явился Виктор
Курчатовский, распахнул камеры
пятнадцати матросам.

И вот они мчатся в белесой бун-
тующей мгле. Скрипят сани. Упругой
волной хлещет метущийся ветер. Снег
толченым стеклом колет лица. Верст по
шестьдесят одним духом меряют
неутомимые монгольские лошаденки. В
деревнях выскакивают из изб закутанные
фигуры и зазывают к себе.

Двери домов настезь. Народу
битком. Не просунешься. Стоят, сидят на
лавках и полу в овчинных полушубках
крестьяне. За столом необычные гости.

— Гля, паря. Катерина-то раско-
лолась: шаньги-то из печи шурует...

— Да ить гости-то вишь какие
важные. Из самой Расеи, с окяна. Тожно
каждому лестно таких угощать.

— Уж не говори, паря! Моя Фекла
пирог с репой, да осердием печет. Щас,
глянь, припрется...

— Моя тоже морковь парит...

Отогревшиеся гости дымят креп-

ким самосадам. Сельчане наперебой тянут им свои кисеты. Хозяйки передают в тряпицах куски соленого мяса, сала, молотой черемухи.

— На дорожку...

— Угощеньице примите...

— Не обижайте...

И потоком льется извечный разговор о горе, нужде, недородах...

— Сибирь-матушка урожай год дает, а десять нет, — жалуются хлебопашцы. — А тут царский кабинет, как пиявка сосет...

...И снова пыль снежного урагана, скрип саней да колючий обжигающий ветер.

Вот и железная дорога. Она встретила их криками, разгульной песней, звуком тальянки. Народу тьма. Но женщин не видно. Мужчины с ружьями, в рабочих костюмах.

Бастуют...

На станции Оловянная навстречу освобожденным вышла колонна с красными знаменами, с пением Марсельезы. Для дорогих гостей на руках прикатали вагон, украсили его флагами.

Вот оно, пошло, забурлило дрожжевое тесто. Недаром на закваску не жалели жизни умнейшие из умных, храбрейшие из храбрых. Многие из них не дожили до этого дня, сгибли в сырых казематах...

Свистит паровоз, грохочут вагоны. И Фрол полон какой-то новой непонятной силой. Так бы и сорвался: расправил руки, как крылья, и... полетел...

— Скорей! Скорей! Вперед! На борьбу! — выговаривают колеса, но вертятся медленно, ох, медленно.

Гремит, бушует Чита. Улицы запружены толпами народа. За порядком смотрят не полицейские с дубинками, а народная милиция с красными бантами на рукавах. Лица их раскраснелись от радостных улыбок. Вот она, народная-то власть!

Черноморцев на руках донесли до самой площади, водрузили на деревянный помост, долго хлопали, кричали ура. Фролу пришлось говорить

от имени своих товарищей.

— Вот вы видите в нас героев. А вышло-то совсем просто. Отшвартовался наш корабль, значит, на учение. «Прут» он называется. Вдруг пошла молва по матросам: «Потемкинцы восстали».

А матросня будто порох: только спички не хватало. Ну и понесло, закрутило... Офицерство, конечно, под арест, а сами развернули корабль, да в Одессу к потемкинцам на помощь.

Думалось так, а случилось иначе. Прибыли в Одессу: ни «Потемкина», ни топлива на нашем корабле. Хошь-нехошь, а сдавайся своим же врагам! Ну, а что было дальше, скучно рассказывать, товарищи. Измывались пал нами так, что не дай бог и сну такому присниться. Самых лучших казнили, других на бессрочную каторгу уpekли.

Спасибо вам, дорогие товарищи, за освобождение! Теперь и мы с вами в одних рядах. Да здравствует свобода, борьба!

И пошло, понесло... День и ночь перепутались. Ни сна, ни продыху. То стычки с казаками, то выступления на митингах, то захват вагонов с оружием...

А через две недели огромные карательные экспедиции с пушками, пулеметами кольцом обложили город. Чита оказалась зажатой в тиски, совершенно оторванной от России. Чтоб не быть бесцельной жертвой, рабочие ушли в подполье, готовясь к всероссийскому восстанию.

Прутовцы поодиночке двинулись в Россию.

Целых полгода пробирался Фрол на далекое Ставрополье. Всего навидался он по дороге: болота, непролазные дебри, хребты, степи... Шагал от света дотемна, ночевал у костра, а потом снова целый дневной переход. И хоть бы душа единая. А встретится деревенька, так и хлещет по глазам нищета, темнота, убожество человеческой жизни. «Как много земли, а жить человеку тесно, — размышлял Фрол. — И так везде. И там, в Сибири, и тут, в родной Томузловке, до которой остался один переход».

Беспокойно билось сердце:

— Зачем пришел сюда? Тебя уже ищут, выжидают жандармы около родного дома... Ты — бунтарь!..

Но где же удержаться, если прожил на свете всего двадцать четыре года? Как вытерпеть, как сладить с сердцем норовистым, как не взглянуть на жену и сына малого, которого еще не держали отцовские руки?

Перед тем как пройти к дому, долго лежал на опушке леса. Благоухает лето. Межи залиты красным половодьем маков. Тепло дышит земля. И перед глазами всплыли близкие крестьянскому сердцу картины.

Отец, могучий бородач, шагает за сохой дотемна. Спина его парит, мокрая рубаха облепила сильные плечи. Чернозем дымится, дымится и рядом протекающая речушка. А он, Фролка, ездит пристяжником. Больно кусают оводы, одолевают мухи...

Давно уже нет в живых старого пахаря, и полоска его осиротела...

Ночью, с опаской, Фрол пробрался в подслеповатую, вросшую в землю хатенку в конце косога переулка. В рваной, подоткнутой юбчонке бросилась ему на шею черноволосая Аграфена. В первый раз протянул к отцу руки маленький Семенка...

* * *

...Савельев вздрогнул от неожиданности. Кто-то тронул его за плечо.

— А? Что? — удивленно уставился он на Григория Чебоненко.

— Да вот... подарок для Аграфены, — зашептал тот. — Сегодня столько намыли.

— Хорошо. Здорово. Фунта два наверняка, — покачал Фрол в руках мешочек.

— А это от солдат, — передал Самсонов баночку.

Нет. Эти подарки не для его жены. Это в помощь тем, кто навечно замурован в централах Нерчинска.

— Сполоснуть надо, — говорит

Рассадин, выбивая из пазов лотка застрявшие золотимы.

— Оставь оденки Лидушке, — просит Григорий.

— Эх, ребятушки, скусу в оденках не знаете, — мурлычет Степан. — Остатки всегда сладки. Золото любит прижиматься к доньшку, забираться в малые щелочки. Сумей его достать, вот и узнаешь настоящую сладость...

Барак угомонился. Храпят, бормочут, бредят во сне арестанты.

Бьются, колотятся они на жестких, кишащих клопами, нарах. Даже во сне не могут уйти от тяжкого ада.

— Человек, когда сыпи, весь на виду, — тяжело вздыхает Да-Ши.

При тусклой копилке он выковыривает из щелей лотков еле видимые застрявшие золотины...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В полдень шахты выплеснули на отвалы серые гудящие толпы арестантов. Доставая на ходу из сумок черные краюхи хлеба и деревянные чашки, они спешат к дымящимся котлам.

Кашевары работают черпаками, как веслами, равномерно и торопко разливая порции требуховой похлебки. Получив жижу, арестант проходит к длинному, облепленному мухами столу.

— Получай! — шлепается в миску кусок мяса. — Свеженькое, только что с жару, пару...

— А до котла где валялось? На свалке? — недовольно ворчит пожилой изработанный каторжанин. — Ишь ввалил: одни жилы.

— Го-го-го! — скалится щербатый, с поломанным зубом рот раздатчика. — А ты чо думал, баранинка?

— Што? Опять телка из-под сиделки? — встрял в разговор очередной получатель.

— Не-е-е... Свининка из-под дуги!

— Одни ребра с синей пленкой...

— Отходи, барин хороший. Не хошь, не ешь, отдай другому. Вишь, сколь охочих дожидают.

А шахты все выплевывают новые порции серых тюремных бушлатов. Посреди них теряются фуфайчатые вольные приискатели. Они разбредаются в облюбованные дня обеда Места, достают узелки с едой, бутылки с квасом, молоком.

Вот из пятой шахты вылезли пятеро старателей в ватниках и длинноухих шапках. Миновав штабеля крепей, они направились к жерлу шестой.

Засветив свечи, спустились в главную штольню, почти бегом пересекли ее и наткнулись на юркого китайца.

— Ой, Фылолка! Твоя никакой фуфайка не сплывать, — обрадованно залепетал Да-Ши. — Моя шибко боялся... Мало-мало длозы...

— Все, Лебедь. Пошли за мил-дорого.

— Ходи дальше.

Китаец повел пятерку за собой. Матросы саженят подземелье. Мелькают проходки, штольни, коридоры, полуобвальные норы. Все ниже и ниже уводят лестницы. Разработки давно заброшены: местами стоят вонючие омуты, и их приходится обходить по различным лазам...

Ли остановился около осыпи, проворно разрыхлит песок. Показались крепь. Китаец отодвинул две стойки, указал на открывшуюся нору. — Моя там была... Затопленный шахта...

Савельев подошел к дыре, попробовал протолкнуть плечи. Взял у Да-Ши ржавую лопату, расширил вход.

— Что-то я про эту шахту не слышал. Видно, давно пески высосаны.

— Давно, Фылолка, давно. Тут шибко много ходов налыто... Как золото там нашли, — Ли ткнул пальцем наверх, — так и блосили...

— Сколь же этому время?

— Тут и католга не было... Все сталатель копал.

Савельев забросил в дыру лопату, махнул товарищам рукой.

— Воля или смерть! Другому не бывать! Прощай. Да-Ши! Передавай братве привет!

— Шанго, Фылолка! Халчи. свечи,

селянки тама. — Китаец кивнул на заброшенные выработки. — Сиди тихо-тихо. А потом пойдешь воля.

Маленький, тщедушный по сравнению с Савельевым, он припал к груди матроса.

— Будь здолова, Фылолка!

— Прощай, друг. Дай я тебя поцелую. Передай спасибо всем, кто о нас позаботился. — Фрол сорвал шапку и, прижав ее к лицу, быстро скрылся в проходе.

— Пропади она пропадом каторга с ее охранниками! — зло бросил Самсонов, ныряя в темноту.

— Прощай, Лидушка! Большое тебе спасибо за все! — пробасил Рассадин, прижимая сморкающегося китайца к широкой груди. — Передай нашим: умрем, а назад не придем!

— Степана, дылуга, шибко сылушай... Моя сигнала давать буду... — наказывает Ли.

— В царство небесное попадать нет смысла, — глухо гудит Федор Медведев. — Там наверняка те же паразиты у власти!

— Ничого. Были б живы, а голы будем. Богнв тоже тряхануть треба. Оце препотешно будэ, — гогочет Чебоненко, подталкивая застрявшего в узкой дыре казака.

— Фылолка, делай обывала! — кричит Да-Ши.

Застучали невидимые ломы, за-трещали крепь.

— Беги отсюда. Ли, беда может быть, — слышится голос Савельева.

— Сами берегись! — фистулой прокричал китаец и зайцем запетлял по узким переходам. Вскоре позади грохнул обвал. Шахта мучительно застонала...

* * *

— Порядок! — удовлетворенно сказал Савельев. — Теперь нас откопать не просто.

По узкой приподнятой тропке, как по выдвинутой косе, узники прошли к наклонному возвышению, подальше от заваленного лаза.

— Ось дывись сюда, — позвал

Чебоненко, указывая па круглую яму. — Як смердит погано. Затягать бы сюда Ефтина да головой.

— Как бы он нас сам сюда не сунул... — вздохнул Самсонов.

— Теперь нас сам чертяка не сыщет...

— Пушай только сунется, постоим! — Медведев остановился около деревянных брусьев, нависших над черной затхлой заводью. — А што, браты, тожно тут и осядем?

Подошли Савельев и Рассадин, подняв свечи, осмотрелись.

— Дывись, хлопцы, шось там чернее...

На торчащих плахах в кучу свалены мешки.

— Оце ж дило! — радуется

Григорни, развязывая суму. — Який шматочише сала... Хлеб, картоха...

— Да тут пролуктишек на добрую неделю... Молодец Да-Ши!

— Неуж, столько протолчемся? — удивляется Медведев.

— Кто знает? Это как Ефтину Судет угодно... — Самсонов притащил охапку пакли, расстелил широкую постель па самом верху бугра. — Эх, отоспаться за все годы!

Надолго замолчали.

— Жуть-то какая! — вздохнул Медведев. — Как в могиле.

— Ты в шахте не робив, чи шо? — повернул голову Григорий.

— Сравнил... Там около тебя стражник танцует... Народу куча.

— Тихо-то как! — понизил голос и Степан.

— Да-а... — протянул Савельев. — Сиди и жди.

— А вдруг про нас забудут?

— Что вы, братики! — уверенно сказал Савельев. — Столько для нас сделано...

— Фрол, ты хоть знаешь, кто с нами нянчится? — спросил Рассадин.

— Нет. Но догадываюсь...

— Как же они дадут о себе знать?

— Пароль есть... Имя одно... Ли всегда называет.

— Подождем... Хорошо хоть све-

чей много.

— Беречь надо. Жечь по одной...

— По запасам-то нам тут долго сидеть придется.

— Запасы с походом заготовлены. Никто не знает о сроках. Может, день, а может...

Помолчали. Слышно, как капает пода. Скрипят, будто стонут, крепи. Вокруг давящая чернота и пронизывающая сырость.

* * *

Беглецов хватились только вечером.

Да-Ши, спрятавшись за штабелями, внимательно наблюдает за всем, что происходит у шахт. Конвойные долго и нудно собирают невольников. Недосчитав пятерых, засуетились, забегали, отдавая приказания.

— Задавило и, што ли? — шепчутся каторжане.

— А что ж... Слыхали, в обед обвал где-то грохнул?

— А кого нет-то?

— Не говорят... Лучше у своих узнать.

— А что, браты, Чебоненки-то не слышать?

— Нет Чебоненки... И Савельева, слышь, нет.

— Вона... Знать, завалило-то долгосрочников?

— А ты думал тебя... Шахта знает, что тебе всего три месяца терпеть осталось...

— И што теперь будет?

— Не бойсь, не убьют!

Скоро охранники поняли, что пропавших им не найти. В их движениях чувствуется беспокойство, страх. Они нервно покрикивают на каторжан, поднимая опустившихся на землю.

— Ишь, развалились, фонь-бароны!

— Вот что, голубчики! — приступил к арестантам начальник конвоя. — Или вы скажете, куда делись эти дохлятины, или прямо здесь каждого десятого шомполом по заднице!

— А мы чем виноваты? Аль сторожили их! — завопил все тот же изработанный старик.

— Ага! Выходи первым!

Да-Ши закусил губу. «Он-ой-ой!

Такая тощая сталика... Мяса нет...

Кожа да кости...»

На дороге затарахтели колеса. Из пролетки выпрыгнул невысокий человек и побежал вниз по насыпи. Ветер сорвал с его головы шляпу, взлохматил белые волосы и черную бороду. За ним еле поспевал по косогору Суровский. Он с трудом догнал Миронова, молча подал ему шляпу. Тот на ходу взял ее и натянул на голову. Задыхаясь, остановился напротив конвоя, каким-то визгливым, отрывистым голосом прокричал:

— Опять безобразите?!

Охрана отступила за спину начальника конвоя. А тот, растерянный от неожиданности, не находит слов, топырит руки, словно собирается сесть на четвереньки. Наконец, сбивчиво заговорил о беглецах. Но Миронов не дослушал.

— Это дело ваше... Но людей... Немедленно уведите арестантов. Вы, что ли, за них завтра пойдете в забой?

— Слушаюсь! — козырнул унтер. — Ра-а-а-звести люден! — визгливо распорядился он, и все зашевелилось, выстраиваясь в колонну.

«Ой, Ломана, — обрадованно бормочет Да-Ши. — Ой, какая ты холосая человека! Совсем плохо могло быть...»

Ефтин забыл про гулянки.

Обычно побеги связаны с весной. Только поднимется повыше красное солнышко, появятся в полях проталины с черными точками грачей, начинают расцветать надежды на вольность, простор, зеленую тайгу... Тогда уж не зевай, усиливай охрану, поглядывай в оба. Труден, далек путь беглеца, да тепло все скрасит...

А тут на тебе: побег накануне зимы. Смело, дерзко, а главное, неожиданно.

— Пся крев! — мечется Лука

Кузьмич. — Кто мог знать, что у них на уме. Скоро морозы. Вес равно подохнут. Или будут задержаны в первой же станице...

— В тайгу уйдут, — предполагает Панченко.

— Сейчас? В лес? Ну, батенька! — Ефтин насмешливо передернул обширными плечами. — Они не дураки. Им тепло и хлеб надобны. Пойдут от деревни к деревне... Уйти-то они не уйдут. Но нам от этого не легче. Упустили! Главных заводил проворонили!.. — Ефтин вдруг захохотал, как подавился. — Савельев-то... Надо же... — выдавил он хрипло. — Ну и умник! Бежать глядя на зиму... Надо идиотом быть. Быдло есть быдло. Большой, горластый, вот и «авторитет для масс». А чуть постегали по мягкому месту, он и драпать... Я давно знал, что он глуп. Умный не попался бы после первого побега...

— Как же они ушли? Ведь кругом охрана...

— Наверху не ушли бы. Я их мигом бы скрутил! — Ефтин мотнул неуклюжим корпусом, показывая, что крутит невидимую веревку. — А там, — он ткнул тростью в землю, — они как крысы в норах.

— Шахты все на учете, — Панченко выжидательно повернул голову. — По чертежам...

— Э-э-э, милый, не пори глупости. Инженеры чуть побольше нас с тобой знают. Там столько нарыто, сам черт не разберет.

— Я уверен, ваше благородие, от вас и под землей им не спрятаться, — изрек подчиненный.

— Нет уж... Под землю я не полезу.

— А помните, мы с вами прошлой весной искали...

— Тогда было другое время... А сейчас не могу... Думаешь, Сазонов ушел, и все...

Ефтии прошелся по насыпи.

— Найду себе такого телохранителя, чтоб как собака: спал около моей постели... Головореза! — Он задумался,

потом вдруг повернулся, пристально смерил взглядом солдата, — Скажи, Панченко, почему ты остался служить сверхсрочно?

— Как почему? — в недоумении поднял брови солдат.

— Ну да... Получаешь рубли... — Ефтин наслаждается замешательством солдата. — Думаешь, не знаю... Брось, я тебя давно раскусил. Ты парень ушлый!..

— Я честно служу его императорскому величеству! — побледнел солдат.

— Знаем, знаем... Стараешься... В пример любому тебя ставим. А все же... Днюешь и ночуешь у политических! — подполковник уперся сверлящими глазами в побелевшее лицо подчиненного.

Панченко замер в выжидательной позе. Лицо его окаменело. Только в коленях что-то противно подрагивает. «Что делать? Уханькать и скрыться? А как же приказ? Неужели все пропало?»

— А в работе ты орел! — донесся до него ласково-насмешливый голос. — Ну, много накопил?

— Чего? — вышел из оцепенения солдат.

— Золота, конечно.

— Нет еще... — облегченно вздохнул Алексей.

— Церемонишься, наверное, с ними? А ты покруче!

— Хорошо, ваше благородие, постараюсь...

— А эти негодяи от меня не уйдут, — неожиданно переменял тему Ефтин и снова ткнул тростью в землю. — Живо вытурю. Пожого устрою...

* * *

А в шахтах мечутся пронырливые стражники, разыскивают маломальские закоулки, заглядывают в темные просеки, выстукивают подозрительные выемки, вынюхивают, прислушиваются.

Не один раз стражники побывали и у заваленного лаза, где за толстой песчаной стеной притаились беглецы. Здесь вертится юркий голенастый китаец. Всякий раз, завидев стражника, он начинает чинить тачку. Изо всех сил

колотит, гроыхает, и скрежет разносится далеко по забоям.

— Чего ты тут делаешь? — спросил один из стражников.

— Моя сюда начальник посылала. Тут старая тачка целая гола. Мало-мало лечу их и вожу туда,— он махнул рукой к выходу.

Действительно, вокруг валялось много искореженных тачек.

— Чего же ты так орешь? Что я, глухой, что ли? — рассердился стражник.

— Чего говолил? — приставив руку к уху, тонким голосом визжит китаец. — Моя плохо слыши...

— Да пошел ты!.. — ругается стражник.

Ли с тачкой в руках идет на разведку. В главной штольне он наткнулся на каторжан с охалками дров и хвороста.

— Куда несешь мусола? — остановил он одного из них.

— В кучи. Начальство приказало собрать все полусгнившие плахи, разложить костры во всех закоулках, — оглядываясь по сторонам, объясняет каторжанин.

— Ой-ой-ой... Зачем шахта глеть? Зима нет еще...

— Какая там шахта? Беглецов выкуривать задумали... газом...

Ли застыл на месте, растерянно смотрит вслед говорившему. Сердит его прыгает где-то под подбородком.

— Ай, какой беда... Попадут блатки... Надо сколо бежать, — и китаец помчался к выходу.

Арестанты облили костры керосином.

— За-жи-гай! — несется откуда-то команда.

В катакомбах загудело, затрещало. Запыхали, заплясали, завертелись огненные смерчи, зловещими столбами повалил густой едкий дым. Зажав шапки в зубах, арестанты, сшибая друг друга в темных переходах, полузадохнувшись, с трудом уходят от преследующей газовой смерти.

Приисковый люд высыпал из домов, столпился на улицах, тревожно гудит.

— Опять кого-то травят...

— Не токмо в шахтах, в домах дышать нечем.

— Ох, бедолаги несчастные... Где ж им живым остаться?

Из стволов шахт вырываются винтообразные густо-черные столбы дыма, повисают над копрами, нал прииском. Пронзительный ветер подхватывает кольца серой копоти и гонит ее в долину, застилая слякотные берега реки. Над лесом с криком кружится воронье...

Ослабев от угара, Савельев провалился куда-то в темную яму...

...Глухо стучат кувалды по камню, высекая искры... Звенят стомившие ноги кандалы...

...Пришла Аграфена, села в головах, завывла по-бабьи...

...Прибегал сынишка Семка, звал куда-то...

...Да-Ши с длинной косичкой на затылке, скособочась, приплясывал в углу ямы и верещал тоненько: «Потелпи, Фылолка. Они мало-мало секи лозгами... Потом воля...»

Очнулся Фрол от пронзительного холода. Сквозь мутную дымку заволакивающую глаза, он увидел сальную плоску, освещающую подземелье тусклым мигающим светом. Вспомнил: колчедан... Он растворился в песках от пожаров. Газовая смерть бесшумно прокралась в шахтное поло, душила... В горле першит от едкого чада. Разъедает глаза. Они слезятся, гноятся, слепнут. В них двоится, троится, и пламя свечи разворачивается в огромный оранжевый круг...

Матросы стонут, бредят, мечутся. Чебоненко хрипит. Фрол подполз к нему, смочил в воде полотенце, sprysнул лицо.

— Гриша, очнись!

Качаясь, подошел Медведев. «Этот здоров как бык!» — обрадовался Савельев.

— Кажись, посвежало, — сказал Федор.

И действительно: из темноты потянуло сквозняком. Стало легче. Люди завозились, забормотали.

— Проверь-ка, Федор, как там остальные? Да свечу еще засвети. Все погасли, одна чуть теплится.— Савельев нащупал в котомке флягу со спиртом, приложил к губам Чебоненко.

— Не-е-е, хлопцы... Не могу, — слабо прошептал Григорий. — Все кишки повылазили...

— Выпей! — твердо сказал Фрол. — Полегчает.

Грохнул камень, зашелестели крадущиеся шаги.

— Фылолка! — донесся негромкий вскрик. — Эй! Эй!

— Ли!.. — отозвался Савельев. — Мы здесь!

Темноту прорезал луч света. Он показался до того ярким, что люди схватились за глаза.

— Живы?

— Все целы. Лебедь!

— Выдюжили!

— Живем!

— Он, моя пележивала... Оц-е-ей, дела-а-а-а... Как талакапов...

— Все хорошо, Лидушка, — ласково обнял его Фрол. — Так мы тебе рады!

— Ну, давай, давай! — затормозил Да-Ши. — Голопись! Караул снята. Выходить пола! Долога свободна.

Поддерживая друг друга, шатаясь, беглецы медленно побрели за китайцем. Хватались за грудь, чтобы сдержать кашель, качались, словно пьяные. Особенно трудно взбираться по скользким лестницам. Руки не держат, йоги дрожат...

Наверху их встретила влажная чернота, сырой прохладный ветер. Накапывал дождик. Долго лежали на мокрой земле под холодным дождем, ждали, пока вернутся силы.

— Сколей! Мало-мало ходи надо! — метался китаец.

Сверкнула молния, всколыхнулась от грома земля. Это подстегнуло людей, взбодрило. Они стали быстро спускаться к Унде. Отойдя от шахт, заговорили.

— С чего это грому взяться?
— То для нас лето вернулось! — радуется Чебоненко.

Из кустов, над рекой, возникла черная прямая фигура.

— Все здесь? — резко стеганул голос.

Люди дрогнули, остановились.

— Все, Ломана! Все живы! — кинулся вперед Ли.

— А где проводник?

— Блатка моя фанза сиди. Моя живо бегай, — и Ли мгновенно исчез.

— Как самочувствие? — Суровский подошел к матросам, стал жать им руки. — Вижу, пережить пришлось вам немало.

— Было трошки...

— Ну вот и встретились, Фрол Ефремович, — заговорил Роман, заглядывая в лицо Савельева. — Теперь и к Аграфене, возможно, попадешь.

Савельев согласно кивнул.

— Мог н задушить вас подлец! — снова заговорил Суровский.

— Еще бы несколько дней такой глазючки — и концы в воду, — подтвердил Фрол.

— Новый ход разыскал, заброшенные вытяжные шурфы. Хотел по ним вывести. И день такой удачный. Дождь, гроза. Прямо как по заказу...

Суровский повел беглецов на берег. Матросы чувствовали себя свободно, вольно.

Только теперь они узнали, кто устраивал им побег. Каждый лень они встречались с ним на работе и ничего не подозревали.

— Барин! И вот поди же!.. — шепчет Медведев Рассадину.

— Хо!.. Сазонов тоже барин. Мало ли господ за решеткой.

Спустились к самой воде.

— Лодка! — разглядел первым Рассадин.

— Да, лодка, — подтвердил Суровский. — На ней вы пройдете по Унде, по Онону, попадете в Шилку. Там, на станции Шилка, вас встретят, дадут паспорта и все необходимое... Побыстрее, товарищи...

Чебоненко и Рассадин забрались в

лодку, схватились за весла. Забыто все: страх, ожидание, страдание, боль. Григорий ошупывал, осматривал баркас, а Степан, вцепившись в весла, замер от счастья. По его щекам побежали радостные слезы.

— Родненькие мои... — шептал он и целовал натертые до блеска концы весел.

— Будьте осторожны, — наставляет Роман. — Самые опасные места: станицы Троицкая, Барановская, Семеновская... В Поселье безопасно. Там живут такие же ссыльные, отбывшие сроки. У их окон вы найдете продукты. Так у них заведено. Заботятся об однокашниках...

Прорвался холодный с градом ливень. Фигура инженера поблескивает в полутьме, как оцинкованная. Суровский одет в кожан с капюшоном, в высокие полуболатные сапоги.

— Что-то долго нет проводника, — волнуется Роман.

Дождь внезапно сменился мокрым липким снегом. Он сыплется густыми лохмотьями, скрывая видимость.

Из белой шевелящейся кашицы вынырнули Да-Ши и Лозин.

— Наконец-то — повернулся к ним Суровский. — Вот, товарищи, вам проводник. Можете ему вполне доверять...

— Это он вставляла золотые зубы тюлемная нацальника!.. Мастел, шанго! — хлопает Ли пария по плечу. — Алыкаха, моя клоновая блатка. Шибко холосая человека...

Матросы заулыбались, крепко пожимая парню руки.

Снег сеется все гуще и гуще, как мука в редкое решето.

— Я уже рассказывал товарищам, тебе еще повторю, — обратился Суровский к Аркашке. — Путь по воде до самой Шилки. На станции вас встретят. Пароль тот же, — кивнул он Савельеву. — Мимо казачьих селений проходите только ночью. Иначе проследят ваш путь. Вам. Лозин, придется некоторое время держаться подальше от этих мест. Если что-либо изменится, я найду способ вам

сообщить. Держитесь этих ребят.

— Спасибо, Роман Алексеевич,— сказал Лозин. — За нас не беспокойтесь. Я тут знаю каждую версту. Исходил вдоль и поперек.

— Счастливого плавания! — Роман крепко пожал каждому руку.

— Моя тепеля совсем вольна птица! — горячо дышит Да-Ши, обнимая Фрола. — Моя тоже лоди-ну ходи... Китай... Импелатола сбласывай...

Дружно шлепнули по воде весла, лодка отчалила, рванулась вниз.

Сильнее завыл, засвистел ветер. Жесткий снег хлещет обомшелые утесы. Стонет и гудит тайга. Ветер ломает деревья, рушит скалы. Призрачно сверкает молния. По вершинам гор, сотрясая землю, колотят, как кувалдой, раскаты грома.

— До встречи, друзья! — взволнованно шепчет Роман.

Какие удачи и разочарования ждут их там, за хребтами? Одно известно инженеру: у таких людей впереди — вечность. А счастье их — борьба.